

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.42:316.252

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ И ДРАЙВЕРЫ ИНТЕГРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ

М. А. Абрамова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
marika24@yandex.ru

Аннотация. В статье выявлена роль социокультурных барьеров и драйверов интеграционных процессов в евразийском пространстве (прежде всего в рамках ЕАЭС) на основе теории П. Бурдьё. Автор показывает, что формальный подход к евразийской интеграции на уровне экономики и управления сталкивается с «капиллярной сетью» невидимых ментальных границ – рассогласованием между институциональным уровнем Союза и микросоциологической реальностью граждан. Для преодоления политико-экономического детерминизма предлагается теоретическая рамка, основанная на соотношении понятий «поле», «габитус» и «капитал». Евразийское пространство концептуализируется не как гомогенная целостность, а как совокупность автономных полей (образовательного, медийного, научного), где успех интеграции зависит от конвертируемости капиталов. Особое внимание уделяется обесцениванию российского культурного и символического капитала под давлением глобальных конкурентов (английского языка, турецкой массовой культуры, китайского инфраструктурного капитала).

Через призму категории «габитус» исследуется конфликт поколений: инерционный «советский габитус выживания» старшего поколения диссонирует с «рыночным габитусом мобильности» молодежи, ориентированной на глобальные цифровые стандарты. На примере политики памяти рассматривается борьба за монополию на нарративы как способ захвата доминирующей позиции в региональном поле смыслов.

Предложенная модель позволяет операционализировать нематериальные факторы («барьеры», «признание») и послужит основой для последующего эмпирического анализа отдельных полей и выявления интеграционного потенциала.

Ключевые слова: теория П. Бурдьё, социальное поле, габитус, культурный капитал, символический капитал, евразийская интеграция, политика памяти, транснациональный габитус, социокультурные барьеры, ЕАЭС.

Для цитирования: Абрамова, М. А. (2026). Социокультурные барьеры и драйверы интеграции: концептуализация на основе теории социальных полей. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 140-154. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.140-154.

SOCIOCULTURAL OBSTACLES AND FACILITATORS OF INTEGRATION: A FRAMEWORK BASED ON THE THEORY OF SOCIAL FIELDS

M. A. Abramova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
marika24@yandex.ru

Abstract. The article reveals the role of sociocultural barriers and drivers of integration processes in the Eurasian space (primarily within the framework of the EAEU) based on P. Bourdieu's theory. The author demonstrates that a formal approach to Eurasian integration at the level of economy and politics collides with a “capillary network” of invisible mental boundaries – a misalignment between the institutional level of the Union and the microsociological

reality of its citizens. To overcome economic determinism, a theoretical framework is proposed, grounded in the interrelation of the concepts of field, habitus, and capital. The Eurasian space is conceptualized not as a homogeneous entity, but as a set of autonomous fields (educational, media-related, scientific), where the success of integration depends on the convertibility of capitals. Particular attention is paid to the devaluation of Russian cultural and symbolic capital under the pressure of global competitors (the English language, Turkish mass culture, Chinese infrastructural capital).

Through the lens of the category of habitus, an intergenerational conflict is examined: the inertial “Soviet survival habitus” of the older generation clashes with the “market-oriented mobility habitus” of youth focused on global digital standards. Using memory politics as an example, the struggle for monopoly over narratives is analyzed as a means of seizing a dominant position in the regional field of meaning.

The proposed model allows for the operationalization of intangible factors (“barriers”, “recognition”) and will serve as a foundation for subsequent empirical analysis across individual fields and the identification of integration potential.

Keywords: Pierre Bourdieu’s theory, social field, habitus, cultural capital, symbolic capital, Eurasian integration, politics of memory, transnational habitus, sociocultural barriers, EAEU.

For citation: Abramova, M. A. (2026). Sociocultural Obstacles and Facilitators of Integration: A framework Based on the Theory of Social Fields. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 140-154. DOI:10.47850/RL.2026.7.3.140-154.

Введение

Выполнение научно-исследовательского проекта «Современное российское общество в евразийском социокультурном пространстве: тенденции развития и перспективы взаимодействия» предполагает изучение когерентности социокультурных и этносоциальных процессов в России и на сопредельных территориях, выявление факторов и детерминант развития, интеграции и дезинтеграции межэтнических и локальных сообществ России в условиях динамичных социокультурных изменений в евразийском пространстве. Многообразие изучаемых процессов можно представить, используя различные подходы для их дифференциации: по уровням (микро-, мезо-, макроуровни), по институциональности, локальности и глобальности. Дифференциация дает множественность, но не выделяет общего. Анализ факторов и детерминант данных процессов позволил выявить, что внутри каждого из них есть нечто, пронизывающее весь контекст, практически незаметное глазу исследователя и являющееся для большинства явлений тем, что можно назвать капиллярной сетью [Фуко, 2023]. Наблюдая внешнюю сторону событий, формируемых тенденций, конфликтов, реформ, кризисов, мы не всегда замечаем тончайшую сеть каналов, по которым движется энергия этих процессов. Причины могут быть разными – от нехватки ресурсов до амбиций лидеров, – но все они в итоге задействуют одну и ту же систему кровообращения власти и/или капитала, которая может перестать функционировать столкнувшись с социокультурными барьерами или, наоборот, заработать с усиленной скоростью на «адреналиновом драйве».

Реализация проекта евразийской интеграции к началу третьего десятилетия XXI в. оказалась на стадии концептуального перелома. С одной стороны, институциональная надстройка Евразийского экономического союза (ЕАЭС) демонстрирует высокую степень зрелости: сформированы общие рынки товаров, услуг и труда, действуют технические регламенты, объем взаимной торговли устойчиво растет вопреки внешнему санкционному

давлению; с другой – можно наблюдать, что за фасадом успешных межправительственных соглашений и функционирования зон свободной торговли обнаруживается глубокий разрыв между макроэкономической статистикой и микросоциологической реальностью.

Возможно предположить, что основная проблема заключается в нарастающем диспаритете между институциональным уровнем интеграции и ее социокультурным измерением – той самой капиллярной сетью, являющейся причиной появления в итоге результата, которого ждали. Официальное законодательное снятие барьеров для движения капиталов и рабочей силы не сопровождается автоматическим снятием барьеров символических. Граждане государств-членов по-прежнему воспринимают друг друга через призму архаичных стереотипов, бытового национализма или, напротив, отчужденного безразличия. Экономические акторы сталкиваются с едиными правилами игры, но социальные агенты – обычные люди, студенты, мигранты, представители творческих профессий – продолжают действовать в разрозненных смысловых пространствах. Возникает парадоксальная ситуация «интеграции сверху», упирающейся в невидимую стену культурных различий, языковых иерархий и несовпадающих картин исторического прошлого. Возникает ситуация внутренних разрывов, образуя спазм артерий, которые «должны» были работать как отлаженный механизм, но вместо этого создали эффект паралича и привели к частичному или полному коллапсу системы. Использование традиционного принципа экономического детерминизма или межправительственного подхода (неофункционализма) не позволяет показать, почему при формальном отсутствии границ для реализации деловых проектов сохраняются жесткие ментальные границы на их пути – то, что принято объяснять наличием «человеческого фактора». Для преодоления этого эпистемологического тупика требуется смена оптики анализа. Уходя с поля обсуждения юридических, экономических и политических контекстов, мы фокусируем внимание на социокультурной специфике реализации проектов в евразийском пространстве, для анализа которой требуется обратиться к теории П. Бурдьё и используемым им понятиям: «барьеры» (межкультурные, социальные), «габитус», «капитал» и «поле».

Так, U. Erel [Erel, 2010], представляя анализ ситуации обесценивания культурного капитала мигрантов (знаний, навыков, манер) в новом поле принимающего общества, показывает, как в данной ситуации мигранты вынуждены «торговаться» с институтами (университетами, профессиональными ассоциациями), чтобы их капитал признали, но часто не обладают достаточной властью, чтобы изменить правила поля в свою пользу. В более поздней совместной работе L. Ryan, U. Erel, A. D'Angelo [Ryan et al., 2015], как и ряд других исследователей, опирающихся на идеи Р. Патнэма и Дж. Коулмана, близкие П. Бурдьё в акценте на социальном капитале, отмечают, что плотные горизонтальные связи внутри мигрантских сообществ (социальный капитал) позволяют обходить формальные барьеры, создавать альтернативные каналы трудоустройства и взаимопомощи, что в терминах теории полей является формированием своего «поля» внутри более широкого социального пространства.

Авторы обосновывают транснациональный характер капитала мигрантов, включающий социальные, культурные (образование, навыки), экономические и символические ресурсы. Особо подчеркивается, что имеющиеся связи и ресурсы, циркулирующие между страной исхода и страной приема, создают сложные многоуровневые структуры поддержки, которые невозможно анализировать только в рамках одного национального государства.

J. Kim [Kim, 2018] развивает идею, вводя концепт «миграционно-облегчающего капитала» для обозначения специфического типа ресурсов, не просто помогающих интегрироваться на новом месте, а непосредственно делающих возможным сам акт переезда и преодоление государственных границ. Это могут быть финансовые средства, специфические знания о визовых процедурах, транснациональные социальные связи или юридическая грамотность. Данный подход интересен как попытка преодоления в анализе ситуации экономического детерминизма, в качестве причин переезда указывающего на разницу в зарплатах (неоклассическая экономика) или наличие социальных сетей (теория сетевой миграции). J. Kim, используя оптику теории П. Бурдьё [Бурдьё, 1992; 2001], выявляет, что решение мигрировать – это результат обладания определенными видами капитала (*habitus*), возможностями его валидизировать, конвертировать и легитимизировать для целей миграции, в том числе для снятия потенциально возникающих барьеров.

Интерес в данном контексте представляют ряд исследований транснационализма (например, работы, развивающие идею «транснационального габитуса» [Kelly & Lusi, 2006; Vertovec, 2009]), доказывающих, что формирование гибридных практик сохранения мигрантами связей со страной исхода и создание новых в принимающей стране представляют новый тип взаимодействия полей, когда локальное и глобальное пересекаются, создавая сложные траектории интеграции.

Работа G. Stahl, G. M. Mu, H. Soong & K. Dai [Stahl et al., 2024], представляющая теоретическую ревизию концепции «транснационального габитуса», используемой в более чем ста исследованиях за последние два десятилетия, показывает, как концепция П. Бурдьё, адаптируемая для изучения глобальных миграций, позволяет описывать феномен «рыба во многих водах», представляющий транснациональный габитус уже не в качестве простого переноса старых привычек в новую среду, а в виде сложного процесса постоянной перестройки (*reworking*). В результате анализа литературы авторы выделяют три основных подхода, используемых исследователями при работе с понятием «транснациональный габитус»: «габитус как мост» (концепт используется для объяснения того, как навыки и диспозиции из страны исхода помогают мигранту интегрироваться в стране приема); «габитус как барьер» (старые привычки мешают адаптации); «габитус как трансформативный агент» (состояние постоянного «не-дома», жизнь между границами создает совершенно новый тип личности, который не принадлежит полностью ни одной из стран, формируя уникальные стратегии выживания).

Полагаем, что исследование G. Stahl, G. M. Mu, H. Soong & K. Dai является ключевым, поскольку оно закладывает некие основания для систематизации разобщенных интерпретаций термина «транснациональный габитус», часто используемого в различных исследованиях. Авторы показывают, что в новой цифровой реальности «габитус» П. Бурдьё перестает быть отражением конкретного «поля» (школа, семья, университет одного государства), а представляет пересекающиеся плоскости, создающие зоны напряжения или синергии. Границы между полями стираются, и габитус формируется под влиянием одновременно физической и цифровой реальности принимающей страны, а также цифрового пространства родины. В результате основным выводом исследования становится отказ от статичного понимания габитуса, что и позволяет задать новые стандарты его эмпирической проверки, в том числе актуализировать необходимость проведения лонгитюдных исследований (прослеживающих изменения человека в течение длительного периода времени), а также применения методов визуального анализа, чтобы зафиксировать эту постоянную «перенастройку» личности.

Несмотря на то, что авторы при упоминании визуальных методов в основном имеют в виду социальные сети, мы бы в данной ситуации несколько расширили их список, включив в него не только анализ социальных сетей, но и автобиографий, фото- и видеоматериалов. Такой ракурс исследования позволяет обращаться и к формату транснационального габитуса, и к формируемым под влиянием смены эпох установкам людей. Хочется сразу обратиться к кейсу конкурса «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР)», организованного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Российским историческим обществом (РИО) в 2021 г. в рамках которого был выделен блок «Человек и повседневная жизнь в советскую эпоху. Советский патриотизм и его проявления». Исследователям предлагалось изучать микроуровень истории – биографии людей, их стратегии выживания и адаптации – путем реконструкции жизненных путей через интервью и личные архивы. Отношение к жизни в настоящем изучалось через оценку респондентами влияния советского опыта жизни на их текущую социальную и экономическую ситуацию. Данный ракурс анализа габитуса вполне позволяет оценить его во всех трех проекциях, предложенных позднее в работе G. Stahl, G. M. Mu, H. Soong & K. Dai.

Российских работ, где теория П. Бурдьё применялась бы именно к анализу барьеров внутри ЕАЭС, сравнительно немного. Можно отметить цикл статей А.Ф. Филиппова [Филиппов, 2011; 2012], одного из немногих российских социологов, системно пересобирающих теорию пространства для анализа современных обществ [Филиппов, 2021]. И хотя он напрямую не пишет о ЕАЭС, его работы по социологии событийности и мобильности представляют необходимый теоретический каркас для понимания того, как физическое перемещение людей (миграция) сталкивается с границами смысловых полей.

Более плотно концепт габитуса и капитала применялся российскими учеными при изучении трудовой миграции из стран Центральной Азии. Г. И. Осадчая, В. Ю. Леденева, Т. Н. Юдина [Осадчая и др., 2024], рассматривая «социокультурные барьеры» на микроуровне, анализируют миграционную политику ЕАЭС, фокусируясь на экономических и управленческих причинах появления барьеров, но в статьях последних лет они все чаще указывают на рассогласование «формальных институтов Союза» и «реальных практик мигрантов», что, по сути, описывает разрыв между полем права и повседневным габитусом [Осадчая, Юдина, 2024].

Анализ причин анклавизации (формирование замкнутых этнических сообществ) на основе использования теории П. Бурдьё проводят С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная и др., показывая, как данный формат взаимодействия связан с неспособностью конвертировать капитал мигранта в принимающем поле, и это вынуждает агентов создавать собственные замкнутые поля легитимности [Письменная, Рязанцев, 2018; Рязанцев и др., 2021; Галяпина и др., 2021].

Применение категориального аппарата П. Бурдьё позволяет сместить фокус на скрытые, нематериальные препятствия. Несмотря на популярность его теории в российской социологии образования и науки (анализ элит), необходимо подчеркнуть, что ее потенциал для анализа региональных интеграционных объединений раскрыт недостаточно. Большинство работ по ЕАЭС сосредоточено на экономическом капитале (Договор о Союзе, тарифы). Настоящая работа заполняет лакуну, используя аппарат габитуса и конвертируемости капиталов для объяснения того, почему юридически оформленная свобода движения рабочей силы не приводит к формированию единого социального

пространства. Теория П. Бурдьё позволяет перевести дискуссию о социокультурных препятствиях из плоскости абстрактных «цивилизационных кодов» или «национальных характеров» в плоскость борьбы за распределение ресурсов власти.

Цель представленной работы – теоретически концептуализировать использование теории социальных полей П. Бурдьё для анализа социокультурных драйверов и барьеров интеграционных процессов в евразийском пространстве.

Методологическая рамка исследования

Опираясь на теорию П. Бурдьё [Бурдьё, 1992; 1995; 2001; 2002] и применяя понятия «социальное поле», «габитус» и «капитал», можно вскрыть механику нематериальных барьеров и концептуализировать процессы евразийской интеграции. Для этого важно уточнить аспекты интерпретации указанных понятий:

1. Поле (Le champ). Интеграция рассматривается не как единый процесс, а как совокупность автономных полей (образовательного, политического, медийного, религиозного), каждое из которых обладает собственной логикой, иерархией и правилами легитимности. Барьеры возникают там, где правила одного (социального, этнического, национального) поля входят в конфликт с правилами другого.

2. Габитус (L'habitus). Это система устойчивых диспозиций, сформированная у агентов ранней социализацией (в том числе общей исторической, этнической, территориальной памятью, общим опытом проживания в советский период и пр.). Габитус объясняет инерционность восприятия: старые привычки доверия или недоверия продолжают диктовать стратегии поведения даже тогда, когда внешние экономические условия радикально изменились.

3. Капитал (Le capital). Успех интеграции зависит от конвертируемости капитала. Если российский культурный капитал (язык, дипломы, кинематограф) теряет свою обменную ценность в полях соседних стран, уступая место турецкому или китайскому, экономическая интеграция лишается своей социальной базы.

Теория П. Бурдьё позволяет рассматривать социокультурные барьеры и драйверы интеграции на двух уровнях: локальном и макроуровне. Например, анализ на локальном уровне позволяет нам увидеть, как столкновение габитусов (привычных практик, диспозиций) мигрантов и принимающего общества порождает барьеры [Чистякова, 2023]. Так, в диссертационном исследовании О.А. Чистяковой «Интеграция мигрантов в поликультурное пространство российских регионов (на примере Республики Адыгея)» теория социальных полей взята за ключевой инструмент, автор трактует интеграцию как борьбу за разные виды капитала (экономический, социальный, культурный) в поликультурном пространстве. Показано, как локальный габитус мигрантов (традиционные установки, религиозность) вступает в конфликт с нормами принимающего сообщества и как в результате формируются стратегии – от сегрегации (замкнутые анклав) до попыток адаптации.

Изучение барьеров, возникающих в евразийской интеграции на макроуровне, может представить социокультурные различия (разные исторические нарративы, ценностные установки, медиа-дискурсы) в качестве барьеров для глубокой интеграции. При этом через призму теории социальных полей видно и наличие драйверов – то, как общие культурные

коды, гуманитарные проекты, академические обмены могут работать в качестве механизмов формирования общего символического пространства, где агенты из разных стран-участниц начинают оперировать схожими категориями [Россия и Европа ..., 2017; Страны Восточной Европы и Россия ..., 2005].

Анализ использования теории П. Бурдьё в конкретных работах, представляющих специфику социальных полей и динамику происходящих процессов, показывает, что наиболее распространенным принципом изложения является фокусировка внимания на каком-то конкретном «поле»: символическом поле (память, история), медиа-поле, образовательном пространстве, миграции, конфессий (вероисповедания) и пр.

В нашем исследовании мы хотели бы задать рамки общим понятиям, являющимся основой для проведения более детального анализа каждого из социальных полей.

Концепт «Евразийское социокультурное пространство» как совокупность автономных полей

При рассмотрении евразийского социокультурного пространства (в терминологии П. Бурдьё), важна его концептуализация не как гомогенной целостности, а как совокупности относительно автономных социальных полей, каждое из которых обладает собственными правилами игры, критериями легитимности и механизмами распределения капиталов. Гетерогенное социальное пространство структурируется взаимодействием множества относительно автономных полей. Границы этого пространства определяются не столько государственными кордонами или таможенными барьерами, сколько плотностью и интенсивностью связей – потоков людей, товаров и смыслов (концепция *«многомерного пространства отношений»* [Бурдьё, 2007]). Плотность связей выступает операциональным критерием «сцепленности» полей: высокая интенсивность и взаимность потоков свидетельствуют о формировании общего поля, тогда как асимметрия и фрагментация фиксируют символические и институциональные границы [Филиппов, 2021].

В рамках такой оптики ЕАЭС и более широкое евразийское пространство могут быть представлены как сеть полей: образовательного, научного, профессионально-трудового, медийного, культурно-символического. Данные поля пересекаются, но не сливаются, сохраняя собственные логики выстраивания игры за капитал, конкуренцию и признание.

В рамках теории П. Бурдьё границы поля не являются естественными или неизменными: они конструируются и воспроизводятся через борьбу за легитимное знание и стандарты качества (признание дипломов, цитируемость публикаций, валидность квалификаций или тональность медийных нарративов). Так, в экономическом поле ЕАЭС границы успешно размываются благодаря наднациональным органам (ЕЭК). Но в рамках символического поля литературы или кинематографа они остаются непроницаемыми, поскольку не сформирован единый пул критиков и премиальных институтов. Евразийское пространство интеграции неоднородно: оно имеет свой центр и периферию. Например, если мы будем рассматривать пространство России, то в качестве центра будут выступать крупные российские мегаполисы-суперузлы с максимальной концентрацией всех видов капитала, а в качестве периферии можно рассматривать малые города. Плотность взаимодействия в рамках социальных сетей между Москвой и Минском значительно выше,

чем между Москвой и Бишкеком, что создает внутреннюю иерархию евразийского интеграционного проекта. Таким образом, единство Евразии сегодня – это не данность, а результат непрерывной борьбы агентов за перераспределение ресурсов внутри этих полей.

Габитус евразийского человека: конфликт поколений

Применение категории габитуса объясняет инерцию социальных практик в условиях меняющихся институциональных правил. Габитус – это система диспозиций, приобретенных в ходе первичной социализации, функционирующая на практике как порождающий принцип культуры [Бурдьё, 1995]. П. Бурдьё определяет габитус как «принцип выборочного восприятия индикаторов, направленных скорее на подтверждение и усиление габитуса, нежели на его трансформацию; это матрица, генерирующая реакции, заранее приспособленные ко всем объективным условиям, идентичным или гомологичным (с прошлыми) условиям производства габитуса» [Там же, с. 31]. Как отмечает Г. С. Солодова: «... одним из напрямую вытекающих следствий является его непосредственное участие в сохранении постоянства идентичности» [Солодова, 2025].

На постсоветском пространстве сформировался особый «евразийский габитус», однако он глубоко расколот по возрастному признаку. Так, для старшего поколения евразийских обществ значимым фактором формирования базового габитуса выступила советская общность с ее специфической комбинацией централизованного управления, нормирования и практик коллективного выживания. В исследовательской традиции такие установки нередко описывают как «автократический габитус выживания»: ориентация на иерархию, доверие к формальным институтам при одновременном развитии стратегий адаптации к неопределенности, приоритет стабильности и предсказуемости, а также высокая значимость коллективных норм и социальной солидарности (доминирует инерционный советский габитус [Гудков, 2011]), высокая ценность формального образования и русского языка как средства межнационального общения. Эти диспозиции до сих пор оказывают влияние на восприятие интеграционных проектов, где ожидания от государства и институтов сочетаются с настороженностью к быстрым изменениям и недоверием к «внешним» экспертным оценкам.

Для молодежи, уже не имевшей практики советского взаимодействия, характерно формирование иного типа габитуса – «рыночного габитуса мобильности», ориентированного на индивидуальную траекторию, гибкость, международную конкуренцию, языковую и цифровую мобильность, а также на признание результатов в глобальных системах оценки (рейтинги, индексы, гранты, публикационные метрики) [Россия в Европе ..., 2009; Survey on Youth¹].

Можно отметить, что данные габитусы во многом диссонируют по установкам. Если одними евразийская интеграция воспринимается как восстановление привычных связей и гарантия стабильности, то другими – как ресурс для личной мобильности и доступа к новым возможностям.

¹ Survey on Youth Values in the EAEU Countries = Ценности молодежи стран ЕАЭС: аналитический отчет. Евразийский банк развития. Санкт-Петербург: ЕАБР. (2022). [Электронный ресурс]. Евразийский банк развития. URL: <https://eabr.org/> (дата обращения: 10.08.2026).

В рамках анализа габитуса «евразийского человека» большим эвристическим потенциалом обладает этнопсихологический ракурс, поскольку он дает возможность демонстрации дихотомии ценностей: коллективных представлений о «своем» и «чужом», о справедливости и легитимности правил, о допустимых стратегиях поведения, транслируемых семьей, образованием и медиа. Важно отметить, что ценности, как более ригидная к изменениям категория, поддерживают устойчивость габитуса даже при изменении формальных институтов.

Капитализация идентичности: обесценивание культурного ресурса

Одной из общих тенденций, связанных с осуществлением интеграционных процессов в евразийском социокультурном пространстве в современных условиях, является постоянная потребность стран в конвертации капиталов. В теории П. Бурдьё капитал существует в нескольких формах: экономической, социальной, культурной и символической, а их соотношение определяет позиции акторов в поле [Бурдьё, 2002]. В евразийском контексте особую роль играет соотношение экономического капитала (выгоды от интеграции: доступ к рынкам, рабочим местам, образовательным программам) и символического капитала (престиж культуры, статус языка, признание норм и стандартов).

Экономический капитал евразийской интеграции проявляется в измеримых эффектах: росте взаимной торговли, доступе к общему рынку труда, возможностях академической мобильности. Однако эти выгоды не действуют «автоматически»: их реализация опосредована символическими ресурсами. Так, статус русского языка как языка межнационального общения долгое время служил важным символическим капиталом, обеспечивая доступ к знаниям, сетям, социальным лифтам и институтам. В настоящее время в ряде сопредельных государств наблюдается тенденция к обесцениванию российского культурного и символического капитала [Юн и др., 2024]: смещение образовательных и научных практик на другие языковые и нормативные системы, рост значимости англоязычных публикаций и международных стандартов, а также усиление национальных дискурсов, переопределяющих легитимные источники знания и признания. А. И. Миллер, изучая трансформацию политики памяти в Восточной Европе, использует терминологию «монополия на память» и «конкуренция нарративов» [Символические аспекты политики памяти ..., 2021]. Его концепция идеально ложится на теорию символического капитала П. Бурдьё: страны-партнеры ЕАЭС пытаются деконструировать советский миф Победы не потому, что отрицают историю, а чтобы захватить доминирующую позицию в региональном поле смыслов и утвердить свой национальный суверенитет. Анализ процессов формирования исторической политики в странах Восточной и Центральной Европы убедительно демонстрирует борьбу за господство и ресурсы в символическом поле. Данная мысль продолжается в исследовании А. А. Федоровой и В. В. Тихонова, показывающих, как российский культурный капитал обесценивается в сопредельных государствах, теряя свою «валентность» (способность приносить прибыль/признание в другом поле).

Этот процесс можно интерпретировать как перераспределение символического капитала и изменение правил игры в отдельных полях. Например, в научном поле доминирование англоязычных журналов и международных индексов фактически перераспределяет признание и ресурсы, снижая ценность публикаций на русском языке [Лебедева, 2024]. Попытки внутрироссийского пересмотра отношения к ценности публикаций в зарубежных журналах не отменяют внешней оценки ученого по востребованности результатов его труда в мировом научном пространстве. В образовательном поле различия в стандартах и процедурах признания квалификаций создают символические границы, которые ограничивают конвертацию дипломов и компетенций [Сурилов, 2023]. В медийном поле тональность и повестка формируют представления о «престижности» участия в интеграционных проектах, тем самым влияя на мотивацию акторов. И это все происходит на фоне агрессивной конкуренции других полюсов силы: турецкие сериалы и образовательные гранты захватывают поле массовой культуры Центральной Азии, китайский капитал скупает лояльность через инфраструктурные проекты, а западные цифровые платформы формируют глобальную молодежную повестку. Государственные программы продвижения российской культуры («Русский мир») часто оперируют устаревшим набором символов, которые не находят отклика у нового поколения евразийцев, ориентированных на глобальные тренды урбанистики, IT-культуры и экологизма. Без ревитализации символического капитала экономический союз рискует остаться временным техническим альянсом, лишенным глубокой социальной укорененности.

С точки зрения социологии идентичности, «капитализация» означает, что культурные и языковые ресурсы становятся не просто маркерами принадлежности, но и активами, конвертируемыми в реальные возможности индивидов, социальных групп, корпораций и стран. Проблема обесценивания российского культурного капитала в ряде стран ЕАЭС свидетельствует о смещении баланса символических ресурсов и требует учета при проектировании интеграционных инициатив: стратегии, опирающиеся только на экономические стимулы, оказываются недостаточно эффективными без работы с символическими границами и механизмами признания. Иррационально воспринимаемая капиллярная сеть установок, обеспечивающая устойчивость механизмам самоидентификации, самоопределения, а в итоге – развития стран, в результате оказывается более значимой для оценки разрабатываемых стратегий интеграции, чем рационально осязаемые экономические или властные факторы.

Таким образом, в статье осуществлена попытка операционализировать абстрактные категории («барьеры», «евразийское социокультурное пространство», «габитус евразийского человека», «капитализация идентичности») на основе теории П. Бурдьё через выделенные измеримые индикаторы: плотность связей фиксирует границы общего пространства, межпоколенческие различия в габитусе объясняют инерцию и динамику практик, а соотношение экономического и символического капиталов раскрывает механизмы «капитализации идентичности» и перераспределения ресурсов в евразийском пространстве. Эта теоретико-методологическая рамка послужит основанием для последующего эмпирического анализа отдельных полей и построения модели интеграционного потенциала, учитывающей не только рационализируемые факторы, но и иррациональные, определяющие специфику полей, потенциальных социокультурных барьеров и драйверов интеграции.

Список литературы / References

- Бурдьё, П. (1992). Социальное пространство и генезис «классов». Пер. с фр. Н. А. Шматко. *Вопросы социологии*. Т. 1. № 1. С. 17-36.
- Bourdieu, P. (1992). Social Space and the Genesis of "Classes". Shmatko, N. A. (transl.). *Voprosy sotsiologii*. No. 1 (1). Pp. 17-36. (In Russ.)
- Бурдьё, П. (1995). Структуры, habitus, практики. *Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас*. Пер. с фр. А. В. Леденевой. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета. С. 16-31.
- Bourdieu, P. (1995). Structures, habitus, practices. In *Contemporary Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas*. Ledeneva, A. V. (transl.). Novosibirsk. Pp. 16-31. (In Russ.)
- Бурдьё, П. (2001). *Практический смысл*. Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя. 562 с.
- Bourdieu, P. (2001). *Practical reason*. Bikbov, A. T., Voznesenskaya, K. D., Zenkin, S. N., Shmatko, N. A. (transl.); Shmatko, N. A. (ed.). St. Petersburg. 562 p. (In Russ.)
- Бурдьё, П. (2002). Формы капитала. Пер. с фр. М. С. Добряковой. *Экономическая социология*. Т. 3. № 5. С. 60-74.
- Bourdieu, P. (2002). Forms of capital. Dobryakova, M. S. (transl.). *Economic Sociology*. Vol. 3. No. 5. Pp. 60-74. (In Russ.)
- Бурдьё, П. (2007). *Социология социального пространства*. Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 288 с.
- Bourdieu, P. (2007). *Sociology of Social Space*. Shmatko, N. A. (transl., ed.). Moscow; St. Petersburg. 288 p. (In Russ.)
- Галяпина, В., Лепшокова, З., Молодикова, И. (2021). Межкультурные отношения в Дагестане: роль воспринимаемой безопасности, межкультурных контактов и взаимной аккультурации. *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 24. № 1. С. 83-101. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.07.
- Galyapina, V., Lepshokova, Z., Molodikova, I. (2021). Intercultural Relations in Dagestan: The Role of Perceived Security, Intercultural Contacts and Mutual Acculturation. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 24. No. 1. Pp. 83-101. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.07. (In Russ.)
- Гудков, Л. Д. (2011). *Абортивная модернизация*. М.: РОССПЭН. 629 с.
- Gudkov, L. D. (2011). *Abortive Modernization*. Moscow. 629 p. (In Russ.)
- Лебедева, Т. В. (2024). Роль Российской Федерации в формировании единого научно-образовательного пространства Евразийского экономического союза. *Векторы благополучия: экономика и социум*. Т. 52. № 4. С. 36-49. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1909.

Lebedeva, T. V. (2024). The Role of the Russian Federation in the Formation of a Common Scientific and Educational Space of the Eurasian Economic Union. *Journal of Wellbeing Technologies*. Vol. 52. No. 4. Pp. 36-49. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1909. (In Russ.)

Осадчая, Г. И., Леденева, В. Ю., Юдина, Т. Н. (2024). Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспекты. *Вопросы управления*. № 3 (88). С. 69-80. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-69-80. EDN: TJVNRM.

Osadchaya, G. I., Ledeneva, V. Yu., Yudina, T. N. (2024). Integration Policy Towards Foreign Migrants: Institutional Aspects. *Management Issues*. No. 3 (88). Pp. 69-80. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-3-69-80. EDN: TJVNRM. (In Russ.)

Осадчая, Г. И., Юдина, Т. Н. (2024). Миграционные процессы в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) в контексте демографической безопасности. *Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием*. М. С. 468-469.

Osadchaya, G. I., Yudina, T. N. (2024). Migration Processes in the Eurasian Economic Union (EAEU) in the Context of Demographic Security. In *Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Paradigms of Development*. Proceedings of the X All-Russian Congress of the Russian Political Science Association with International Participation. Moscow. Pp. 468-469 (In Russ.)

Письменная, Е. Е., Рязанцев, С. В. (2018). Миграция из Центральной Азии в Россию в контексте интеграции в ЕАЭС. *Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: сб. трудов II Международной научно-практической конференции (Владивосток, 04–05 июня 2018 г.)*. Под общ. ред. С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой, Л. А. Савинкиной. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет. С. 190-200. EDN: XSGMRF.

Pismennaya, E. E., Ryazantsev, S. V. (2018). Migration from Central Asia to Russia in the Context of Integration Into the EAEU. In Ryazantsev, S. V., Khramova, M. N., Savinkina, L. A. (eds.). *Migration Processes and Their Impact on the Demographic and Socio-economic Development of the Far East*. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Vladivostok. Pp. 190-200. EDN: XSGMRF. (In Russ.)

Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование». (2009). Под общ. ред. А. В. Андреевской, Л. А. Беляевой. М.: Academia. 384 с.

Andreenkova, A. V., Belyaeva, L. A. (eds.). (2009). *Russia in Europe: Based on the Materials of the International Project "European Social Research"*. Moscow. 384 p. (In Russ.)

Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII-XX вв.: сб. статей. (2017). Отв. ред. М. Ц. Арзаканян. М.: Геоинфо. 392 с.

Arzakanyan, M. C. (ed.). (2017). *Russia and Europe: Historical Experience of Interaction and Mutual Understanding. 18th–20th Centuries*. Moscow. 392 p. (In Russ.)

Рязанцев, С., Письменная, Е., Апанович, М., Дзусова, Д. (2021). Этнические общины выходцев из стран Южного Кавказа в России: особенности формирования и экономический вклад в развитие родины. *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 24. № 1. С. 52-67. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.05. EDN: EJVUIU.

Ryazantsev, S., Pismennaya, E., Apanovich, M., Dzusova, D. (2021). Ethnic Communities of Immigrants from the South Caucasus Countries in Russia: Features of Formation and Economic Contribution to the Development of the Homeland. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 24. No. 1. Pp. 52-67. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.05. EDN: EJVUIU. (In Russ.)

Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. статей. (2021). Под ред. В. В. Лапина, А. И. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 312 с.

Lapin, V. V., Miller, A. I. (eds.). (2021). *Symbolic Aspects of Memory Politics in Contemporary Russia and Eastern Europe*. Collection of Articles. St. Petersburg. 312 p. (In Russ.)

Солодова, Г. С. (2025). Роль габитуса в поддержании идентичности. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 2. С. 163-169. DOI:10.47850/RL.2025.6.2.163-169.

Solodova, G. S. (2025). The Role of Habitus in Maintaining Identity. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 2. Pp. 163-169. DOI:10.47850/RL.2025.6.2.163-169. (In Russ.)

Страны Восточной Европы и Россия: Взаимоотношения в начале XXI века: сб. статей, обзоров, рефератов. (2005). Отв. ред. Ю. И. Игрицкий, Л. Н. Шаншиева. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. 228 с.

Igritsky, Yu. I., Shanshieva, L. N. (eds.). (2005). *Countries of Eastern Europe and Russia: Relations at the Beginning of the 21st century*. Collection of Articles, Reviews, Abstracts. Moscow. 228 p. (In Russ.)

Сурилов, М. Н. (2023). Правовая оценка влияния иностранных санкций на интеграцию систем высшего образования союзного государства Республики Беларусь и Российской федерации. *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*. № 3 (51). С. 53-70 DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.05.

Surilov, M. N. (2023). Legal Assessment of the Impact of Foreign Sanctions on the Integration of Higher Education Systems of the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation. *MCU Journal of Legal Sciences*. No. 3 (51). Pp. 53-70. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.05. (In Russ.)

Филиппов, А. Ф. (2011). Мобильность и солидарность. Статья первая. *Социологическое обозрение*. Т. 10. № 3. С. 4-20

Filippov, A. F. (2011). Mobility and solidarity. Article one. *Russian Sociological Review*. Vol. 10. No. 3. Pp. 4-20. (In Russ.)

Филиппов, А. Ф. (2012). Мобильность и солидарность. Статья вторая. *Социологическое обозрение*. Т. 11. № 1. С. 19-39.

Filippov, A. F. (2012). Mobility and Solidarity. Article two. *Russian Sociological Review*. Vol. 11. No. 1. Pp. 19-39. (In Russ.)

Филиппов, А. Ф. (2021). *Мобильность и солидарность: очерки социологии пространства*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Filippov, A. F. (2021). *Mobility and Solidarity: Essays on the Sociology of Space*. Moscow. (In Russ.)

Фуко, М. (2023). *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. Пер. с фр. В. Наумов. М.: Ад Маргинем Пресс. 416 с.

Foucault, M. (2023). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. V. Naumov (transl.). Moscow. 416 p. (In Russ.)

Чистякова, О. А. (2023). *Интеграция мигрантов в поликультурное пространство российских регионов: на примере Республики Адыгея*: дис. ... канд. социол. наук. Майкоп. 190 с.

Chistyakova, O. A. (2023). *Integration of Migrants into the Multicultural Space of Russian Regions: on the Example of the Republic of Adygea*. Candidate's thesis. Maikop. 190 p. (In Russ.)

Юн, С. М., Погорельская, А. М., Трофимов, В. А., Таалайбек кызы, Ж. (2024). Трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию в условиях международного кризиса 2022-2023 гг. *Вестник Томского государственного университета. История*. № 89. С. 133-142. DOI: 10.17223/19988613/89/16.

Yun, S. M., Pogorelskaya, A. M., Trofimov, V. A., Taalaibek kyzy, J. (2024). Labour and Educational Migration from Kyrgyzstan to Russia in the Context of the International Crisis of 2022-2023. *Tomsk State University Journal of History*. No. 89. Pp. 133-142. DOI: 10.17223/19988613/89/16. (In Russ.)

Erel, U. (2010). Migrating Cultural Capital: Bourdieu in Migration Studies. *Sociology*. Vol. 44. No. 4. Pp. 642-660. DOI: 10.1177/0038038510369363.

Kelly, P. & Lusi, T. (2006). Migration and the Transnational Habitus: Evidence from Canada and the Philippines. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 38. No. 5. Pp. 831-847. DOI: 10.1068/a37214.

Kim, J. (2018). Migration-Facilitating Capital: A Bourdieusian Theory of International Migration. *Sociological Theory*. Vol. 36. No. 3. Pp. 262-288. DOI: 10.1177/0735275118794982.

Ryan, L., Erel, U., & D'Angelo, A. (Eds.). (2015). *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Palgrave Macmillan. 267 p.

Stahl, G., Mu, G. M., Soong, H., & Dai, K. (2024). A Fish in Many Waters? Addressing Transnational Habitus and the Reworking of Bourdieu in Global Contexts. *Sociological Research Online*. Vol. 29. No. 2. Pp. 418-437. DOI: 10.1177/13607804231180021.

Vertovec, S. (2009). *Transnationalism*. Routledge (Key Ideas in Geography series).

Сведения об авторах / Information about the authors

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>.

Статья поступила в редакцию: 10.08.2026

После доработки: 02.09.2026

Принята к публикации: 10.09.2026

Abramova Mariya – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>.

The paper was submitted: 10.08.2026

Received after reworking: 02.09.2026

Accepted for publication: 10.09.2026